

Развитие традиционного скотоводства на российско-монгольском трансграничье в постсоциалистический период (на примере Бурятии и Монголии)

Дамдин Доржиевич Бадараев
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, damdin80@mail.ru

Александр Дмитриевич Гомбожапов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, agombozh@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен общий обзор развития традиционного скотоводства на российско-монгольском трансграничье в постсоциалистический период. Авторы отмечают симметричность процессов по обе стороны границы, характеризующиеся возрождением низкокзатратного пастбищного животноводства как ответа на вызовы переходного периода. Идентичные процессы наблюдаются между Монголией и отдаленными районами Бурятии, где произошёл возврат к традиционному отгонно-пастбищному типу животноводства. Современная практика кочевничества в Монголии имеет общую тенденцию к меньшей степени мобильности и большей оседлости. Вызревает и становится распространенной формой полукочевое хозяйство как результат адаптации скотоводческого хозяйства к конъюнктуре рынка и соответствия условиям экологии и климата аридной зоны российско-монгольского трансграничья.

Ключевые слова: скотоводство, трансграничье, кочевое хозяйство, Монголия, Бурятия

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-01333, <https://rscf.ru/project/24-28-01333/>.

Для цитирования: Бадараев Д. Д., Гомбожапов А. Д. Развитие традиционного скотоводства на российско-монгольском трансграничье в постсоциалистический период (на примере Бурятии и Монголии) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 62–69. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/62-69>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/62-69>

The development of traditional cattle breeding in the Russian-Mongolian transborder area in the post-Socialist period (on the example of Buryatia and Mongolia)

Damdin B. Badaraev
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia, damdin80@mail.ru

Alexandr D. Gombozhapov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia, agombozh@gmail.com

Abstract. The article presents a general overview of the development of traditional cattle breeding in the Russian-Mongolian transborder area in the post-socialist period. The authors note the symmetry of the processes on both sides of the border, characterized by the revival of low-cost pasture livestock farming as a response to the challenges of the transition period. Identical processes are observed between Mongolia and remote areas of Buryatia (Russia), where there has been a return to the traditional pasture-based type of animal husbandry. The modern practice of nomadism in Mongolia has a general tendency towards a lower degree of mobility and sedentariness. Semi-nomadic farming is becoming an increasingly common form as a result of the adaptation of livestock farming to market conditions and the environmental and climatic conditions of the arid zone of the Russian-Mongolian transborder.

Key words: cattle breeding, cross-border, nomadic economy, Mongolia, Buryatia

The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01333, <https://rscf.ru/project/24-28-01333/>.

For citation: Badaraev D. B., Gombozhapov A. D. The development of traditional cattle breeding in the Russian-Mongolian transborder area in the post-Socialist period (on the example of Buryatia and Mongolia) // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 62–69. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/62-69>

Введение

Российско-монгольское трансграничное взаимодействие, как и любая другая контактная зона, феномен весьма многообразный. Как один из его срезов, в котором нашли отражение совокупность хозяйственных, культурно-исторических и этнических связей приграничных регионов, можно обозначить традиционное пастбищное скотоводство. В настоящее время оно остается важной частью экономики Монголии, являясь основой хозяйственной деятельности весомой доли её сельского населения. В структуре ВВП страны лидируют горнорудная отрасль и торговля. Сельское хозяйство находится на третьем месте, где превалирует животноводство с упором на пять видов скота – овец, коз, коров, лошадей и верблюдов. Традиционное скотоводство имеет значение и для приграничных к Монголии территорий России, поскольку его развитие

влияет на непосредственные доходы и уровень жизни их жителей. В условиях отсутствия иных альтернатив оно становится ключевым или единственным фактором развития сельских районов. Немаловажную роль играет этнокультурная близость и географическая схожесть трансграничных территорий, а также общие страницы истории сопредельных обществ. Это позволяет выделить уникальное поле взаимодействия в трансграничье в постсоветский период, в котором традиционное скотоводство на сегодняшний день является общей связной линией, составляя единый хозяйственно-культурный опыт населения пограничного региона. Этот опыт аккумулирует всю совокупность устойчиво воспроизводимых связей: трансмиссию хозяйственных практик между скотоводами, культурные интеракции, гуманитарное сотрудничество (проведение общих фестивалей бурятского населения по обе стороны границы, помощь в кризисные периоды) и т.д.

Традиционное скотоводство в сравнительном аспекте стало предметом исследований как отечественных, так и зарубежных учёных. Проблемам трансформации кочевого скотоводства в пространстве трансграничья посвящены работы Н.Н. Крадина [10; 11], В.В. Грайворонского [6; 8], Б.В. Базарова [24], С.Г. Жамбаловой [9], Б. Энхтувшина [20] и др. Компаративные исследования в регионе Внутренней Азии были проведены К. Хамфри и Д. Снизом [25], Б.О. Гомбоевым [5], в Монголии и Трансбайкалье – Ш. Маршина [26]. Социальный контекст модернизационных изменений в среде номадов затрагивался в работах В.А. Ядова [21], Д.Д. Бадараева [1], Ю.В. Попкова и Е.А. Тюгашева [13], Х. Гундсамбуу [22], Ц. Цэцэнбилэг [18] и др. В исторической ретроспективе интересные работы Ф.Л. Синицына [17].

Внимание к данной проблематике обусловлено также неоднозначностью в оценках структурных перестроек общественных систем двух стран, осмысление которых, безусловно, обогатит понимание всей поливариативности сложных социальных процессов постсоциалистического периода. Предполагается, что сравнительно-описательное рассмотрение процессов в традиционном скотоводстве на российско-монгольском трансграничье обладает элементами научной новизны. Это обуславливается развитием в рассматриваемый период (с начала 1990-х гг. по настоящее время) самобытной животноводческой отрасли в трансграничном регионе и возникновением неотрадиционных форм хозяйствования и социальных отношений в условиях новых вызовов.

Материалы и методы

Источниками для настоящего исследования послужили статистические материалы, представленные в базе данных Национального статистического управления Монголии, территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия (Бурятстат), публикации в региональных СМИ, а также полевые материалы авторов статьи, полученные в ходе исследований на территории Центрального аймака Монголии (2024 г.). При интерпретации процессов в среде кочевников-животноводов авторы опирались на теорию модернизации и трансформации общества в переходный период, разработанную отечественными учёными (В.А. Ядовым, Т.А. Заславской, Н.И. Лапиным, Голенковой З.Т. и др.). В концептуальную основу изучения стратификации монгольского общества вошли работы Х. Гундсамбуу [22], где араты-скотоводы представлены в качестве отдельной социальной группы, обладающей специфической характеристикой и высоким адаптационным потенциалом. Трансформационные изменения в Монголии рассматриваются с позиций методологических подходов Ц. Цэцэнбилэг [18] о парадоксальности теорий модернизации применительно к постсоциалистическому монгольскому обществу.

Несмотря на симметричность процессов трансформации, в какой-то мере и модернизации, как в российских регионах, так и в Монголии, их опыт различен. Скотоводческие хозяйства в трансграничье, имевшие схожие типы коллективной организации в период социалистического уклада, прошли путь резкой смены формы собственности. Отказ от централизованной плановой экономики привёл к системному кризису на селе, остро поставив вопрос выживаемости. Одним из путей его решения стал возврат к традиционным формам животноводства.

Тенденции развития традиционного скотоводства в Монголии

В Монголии процесс распада сельскохозяйственных объединений (госхозы и совхозы) принял более радикальный характер [8, с. 48]. При утрате возможностей крупных коллективных хозяйств, откате от достигнутого уровня механизации, отсутствии финансово-кредитного инструментария в переходный период последовал естественный процесс возвращения к традиционным формам хозяйствования и быта.

В Монголии в полной мере воспроизведена модель традиционного скотоводства. Обвальное падение экономики, недостаточный платёжеспособный спрос, распад производственных цепочек и в общем натурализация экономики привели к оттоку населения из городов в сельские районы. Так, В.В. Грайворонский приводит следующую статистику: если в 1989 г. в социальном составе занятого населения Монголии доля кочевников-животноводов (араты) составляла 27,8%, то в 1995 г. она достигла более 45% [8, с. 47]. Это позволило исследователю вполне обосновано обозначить данный процесс как реномадизация [6; 8]. В дальнейшем количество аратов-скотоводов стабилизировалось и на протяжении последнего десятилетия сохраняется на уровне 300 тыс. человек, образующих 150 тыс. домохозяйств, и не превышает 30% от всей численности занятого населения страны [7, с. 148].

Можно и следует говорить о непрочности и неустойчивости такой модели, в основе которой глубокая зависимость хозяйства от природно-климатических условий, несущих высокие риски для ведения скотоводства. Однако картина в целом свидетельствует о прогрессивном развитии на протяжении длительного времени. Наиболее ярко об этом говорит количественный рост общего поголовья скота в Монголии с 30,2 млн в 2000 г. до 71 млн голов скота в 2022 г. в абсолютных значениях [23]. В 2023 г. поголовье скота в стране уменьшилось до 64,7 млн и представлено следующей видовой структурой: лошадей – 4,8 млн, КРС – 5,3 млн, верблюдов – 0,47 млн, овец – 29,4 млн., коз – 24,6 млн [23].

В целом, кочевые хозяйства приспособляются к рыночной конъюнктуре. Получают своё развитие те направления скотоводства, которые показывают наибольшую товарность. От региона к региону это могут быть различные виды скота, на что влияют несколько факторов. Прежде всего, это природно-климатические условия, благоприятные для разведения того или иного вида скота. Во-вторых, влияние оказывает степень удаленности от крупных рынков сбыта животноводческой продукции. Неразвитость системы заготовок и переработки, слабая транспортно-логистическая инфраструктура, высокая концентрация населения в столице существенно влияет на товарность кочевых хозяйств и определяет структуру его стада. К примеру, в окрестностях Улан-Батора из-за высокого спроса на молоко и молочную продукцию доля крупного рогатого скота в стаде в сравнении с другими районами довольно высока: в особенности это касается таких районов, как Центральный и Селенгинский.

Специфика развития традиционного скотоводства в Бурятии

В Бурятии в наиболее традиционном виде – отгонно-пастбищном – скотоводство возродилось в удалённых горных районах. В частности, в Окинском районе республики (регион Восточного Саяна) разведение крупного рогатого скота связано с вертикальной системой кочевания [14]. Полукочевой тип хозяйства распространён в Закаменском районе, где ежегодно совершаются две кочевки. Животные круглогодично находятся на подножном корме. Фермерские хозяйства в целях поиска свободных пастбищ поселяются в удалённых урочищах, где строят дома и возводят различные постройки. Расстояние от зимников до летников может измеряться несколькими десятками километров.

На 1 января 2023 г. в хозяйствах всех категорий Республики Бурятия зафиксировано 847,1 тыс. голов животных по всем видам, из них крупный рогатый скот (далее – КРС) – 342,0 тыс., 156,3 – свиней, 284,7 – овец, 52,5 – лошадей, 11,6 тыс. коз [16]. По статистической методологии в Бурятии не учитываются верблюды, ввиду их малого количества, также, как и свиней в Монголии. Численность работников отрасли "сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство" составила 26,0 тыс. человек, т.е. 7,4 % из 352,8 тыс. человек всего занятого населения республики. За годы трансформации в

Бурятии произошло значительное снижение поголовья сельскохозяйственных животных, о чём свидетельствуют данные за 1990 г.: так, было КРС – 559,1 тыс., овец и коз – 1384 тыс., свиней – 262,2 тыс., лошадей – 76,5 тыс. голов [2].

Большое содействие развитию животноводства оказывает Буддийская традиционная сангха России (БТСР). Помимо общеизвестных федеральных и региональных программ поддержки сельскохозяйственной отрасли, в Бурятии с 2009 г. получили широкое общественное признание социальные проекты БТСР, направленные на развитие традиционных хозяйственных практик иномадного животноводства. К ним относятся такие проекты, как "Социальная отара", "Социальное стадо – Буярад ухэр", "Сарлаг" (як), "Цех по переработке овечьей шерсти".

Благотворительная инициатива главы БТСР (хамбо-ламы) получила развитие в виде указанных социальных проектов, о которых можно говорить как о заметном явлении в деле поддержки сельских жителей. Например, суть проекта "Социальная отара" состоит в бесплатной раздаче трёхсот голов мелкого рогатого скота (овец бурятской породы "буубэй") желающим стать участниками данного проекта с единственным условием: по истечении 2-х лет новым участникам проекта необходимо отдавать от полученного приплода по сотне овец. И так – далее, по цепочке. Как подчёркивают организаторы проекта, основной его целью является возрождение бурятских национальных традиций номадного животноводства. За прошедшие годы, начиная с 2009 г., поголовье овец в таких отарах увеличилось до 118 тыс. голов в 2024 г., которые содержат 110 семей республики [4]. Аналогичные цели поставлены в проектах "Социальное стадо – Буярад ухэр", "Сарлаг" (як). С 2022 г. на территории Иволгинского дацана функционирует цех по переработке овечьей шерсти как третий этап проекта "Социальная отара".

Кроме того, идеи по возрождению традиционного животноводства нашли своих сторонников и среди местных учёных-селекционеров. Основным аргументом продвижения данной формы скотоводства стала очевидная нерентабельность индустриального животноводства в Бурятии [19, с. 191]. Учёными проводилась работа по восстановлению генофонда аборигенных пород домашнего скота. Наиболее эффективна эта работа шла в отношении грубошёрстных овец. Также на территории Хубсугульского аймака Монголии были найдены коровы бурятской аборигенной породы, полностью утерянной на территории самой Бурятии. В настоящее время интродуцированное поголовье не позволяет уверенно говорить о скором восстановлении генофонда. Инициативы БТСР и региональных органов власти по обнаружению и доставке бурятских аборигенных пород скота из Монголии не получили должного развития в связи со сложными ограничениями в ветеринарном и санитарно-эпидемиологическом законодательстве сторон. В этом направлении активная работа проводится с аналогичными трансграничными регионами – Республиками Тыва и Алтай, Забайкальским краем.

Однако в целом возврата к традиционному виду скотоводства, как это имело место быть в Монголии, в Бурятии не произошло. Основной формой институализации стали крестьянско-фермерские хозяйства и индивидуальные предприятия.

Опыт трансграничного взаимодействия в сфере традиционного скотоводства

Схожей тенденцией для трансграничного скотоводства является всё больше набирающая практика ограждения и закрепления пастбищных угодий в частную собственность. В Монголии вкупе с другими факторами она приводит к процессу постепенной седентаризации кочевников. Её признаки можно наблюдать в виде устройства на сезонных стоянках бревенчатых или кирпичных домов и других долговременных хозяйственных построек. Это тот естественный путь, который был прерван и ускорен в Бурятии коллективизацией и культурной революцией. В близлежащих к городам районах строительство стационарных жилищ на зимних пастбищах стало типичным явлением. Отход от столь необходимых перекочетов при экстенсивном пастбищном скотоводстве, соответственно возрастающей угрозе потерь скота от бескормицы, компенсируется развитием сенокошения, заготовкой или закупкой кормов. Кроме этого, совершенствуется система страхования скотоводче-

ского хозяйства, активно стимулируемая государством. Хотя надо отметить, что признать весомой долю застрахованного скота в общем поголовье страны не представляется возможным.

В межграничном пространстве представляется возможным обозначить также сквозные линии единства и непрерывности, основу которых составляют этнические группы носителей общих хозяйственных традиций, культуры и исторической памяти. Речь идёт о той части трансграничья, которое населено представителями бурятского этноса. Присутствие по обе стороны границы общностей одного народа, безусловно, выступает важной составляющей содержания трансграничного взаимодействия. Испытывая влияние и будучи восприимчивым к различного рода изменениям и технико-технологическим новациям, предлагаемым со стороны иной культуры, группы бурятского этноса, восприняв и адаптировав их на свой манер, в то же время транслируют эти новшества в другое – монгольское – общество. Происходят миграции идей и технологий через границу.

Как показательный пример можно привести сомоны Мунгунморьт и Эрдэнэ Центрального аймака Монголии. Поселение бурят в этих районах связано с вынужденной миграцией в первой трети XX в. [15; 17; 27].

Все отрасли хозяйства бурятской диаспоры – и скотоводство, и охота, и ремесла имеют некоторые черты различия по сравнению с монгольскими (халхаскими), обусловленные спецификой их традиционного хозяйственно-бытового уклада, прежде всего, опыта более оседлого образа жизни в период проживания в Забайкалье. На жизнедеятельность бурят наложило отпечаток почти трёхвековое хозяйственное и культурное взаимодействие с русским населением. В период массовой эмиграции в северные районы Монголии и Китая в первой четверти XX в. буряты были названы "нацией трёх машин", что подразумевало наличие у большинства приезжих из России сенокосилок, сепараторов и швейных машин, чего практически не было у местных этнических групп.

Нововведения отразились и на некоторых способах ведения основного и традиционного вида хозяйства – скотоводства. Это, прежде всего, изготовление навесов и загонов для скота. Особенностью бурятского скотоводства является также его полукочевой характер, меньшее, по сравнению с "чистыми" кочевниками, количество скота и ограниченный маршрут сезонных кочевок. При более оседлом характере хозяйствования возникла необходимость заготовки кормов на зиму. Потребность заготовки также обуславливалась отличной от монгольских кочевых хозяйств структурой стада. Наличие в стаде большего количества крупного рогатого скота требовало создания дополнительных запасов кормов.

Сенокосение получило широкое распространение и среди халха-монголов, быстро оценивших преимущества заготовки сена. В вышеперечисленных сомонах большинство кочевых домохозяйств владеет сенокосными участками, зачастую расположенных в окрестностях зимних стоянок.

Влияние русской земледельческой традиции подтверждается употреблением значительных количеств понятий и определений в наименовании сельскохозяйственного инвентаря, средств транспорта, использованием в хозяйственной деятельности православного церковного календаря и народных примет (например, "Михула" – день архангела Михаила, "Троица" – день Святой Троицы и т.д.). Имеются предметы сельскохозяйственного инвентаря (серп, плуг, косилки), использовавшиеся бурятами после переселения на территорию Монголии. Различные хозяйственные постройки ("саравч" – сарай, "зэмье" – зимовье), ограждения также несут отпечаток традиций строительства из русской культуры (**Полевые материалы А. Д. Гомбожапова. Центральный аймак Монголии (сомон Эрдэнэ). Август – сентябрь 2024 г.**).

В этой связи кажется совершенно справедливым мнение М.С. Михалёва о том, что трансграничные народы выступают в роли проводника и смягчающего буфера между русским и ханьским населением России и Китая [12], что в каком-то смысле приложимо и к отношениям русских и халха-монголов, основного населения Монголии.

Трансграничное взаимодействие далеко не исчерпывается перечисленным. Ещё одним его аспектом может служить оказание гуманитарной помощи. Так, в марте 2024 г. по поручению Правительства РФ власти Бурятии

подготовили и направили гуманитарную помощь в Монголию. Из-за зимней бескормицы (так называемый белый или железный дзуд), вызванной обильными снегопадами, произошёл большой падеж скота. Немалое количество кочевых домохозяйств (около 2,4 тыс. семей) оказалось в крайне тяжёлом положении. Было направлено 8,5 тыс. тонн зернофуража (кормовые пшеница и овёс) [3].

Таким образом, можно заключить, что трансграничное скотоводство на российско-монгольском пограничье демонстрирует разный, в каком-то смысле альтернативный опыт адаптации при общности проблем переходного и последующего периода. Во многом эта разность исходит из особенностей развития экстенсивного скотоводства и связанного с ним образа жизни в России и Монголии. Наиболее схожие варианты наблюдаются между Монголией и отдалёнными районами Бурятии, где произошёл возврат к традиционному отгонно-пастбищному типу животноводства. Современная практика кочевничества в Монголии имеет общую тенденцию к меньшей степени мобильности и большей оседлости. И надо сказать, что общей точкой соприкосновения в трансграничье и является та промежуточная форма скотоводства между чистым кочевым и стойловым интенсивным типом хозяйства. Полукочевой тип хозяйства с развитой системой заготовок сена и кормов в настоящее время показывает свою рентабельность и является наиболее адаптированным к рыночному спросу и соответствующим условиям экологии и климата данной аридной зоны трансграничья.

Литература

1. Бадараев Д. Д. Традиционные хозяйственные практики монгоязычных номадов: особенности и перспективы развития скотоводства на сопредельных территориях Монголии и России // Вестник Института социологии. 2016. №18. С. 175–194.
2. Баянова Т. О., Бюраева Ю. Г. Социально-экономические аспекты развития аграрного сектора экономики Республики Бурятия // Глобализация и монгольские мир: сб. мат-лов Междуна-род. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 59–60.
3. Бурятия и Монголия подписали акт о завершении поставки гуманитарной помощи монгольским скотоводам // Представительство МИД России в г. Улан-Удэ. URL: https://buriatia.mid.ru/ru/press-centre/news/buryatiya_i_mongoliya_postavki_gumanitarnoy_pomoshchi_mongolskim_skotovodam/ (дата обращения: 02.10.2024).
4. В Бурятии назвали лучший за последние годы проект в сельском хозяйстве // МК в Бурятии (30.04.2023). URL.: <https://ulan.mk.ru/economics/2023/07/30/v-buryatii-nazvali-luchshiy-zapovednyy-gody-proekt-v-selskom-khozyaystve.html> (дата обращения 10.10.2024).
5. Гомбоев Б. О. Аграрное землепользование Внутренней Азии / отв. ред. А. К. Тулохонов, Ю. П. Михайлов; Рос. акад. наук, Байкальский ин-т природопользования. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 228 с.
6. Грайворонский В. В. Изменения в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX — начале XXI вв. Улан-Батор, 2013. 284 с.
7. Грайворонский В. В. Монголия в начале XXI в. (политика, экономика, общество) / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2017. 352 с.
8. Грайворонский В. В. Современное аратство Монголии: социальные проблемы переходного периода (1980–1995). М.: Восточная литература РАН, 1997. 184 с.
9. Жамбалова С. Г. Кочевой образ жизни в современном мире: проблемы традиционализма и модернизации // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 2(43). С. 142–149.
10. Крадин Н. Н. Процессы трансформаций скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 8–27.
11. Крадин Н. Н. Трансформация скотоводческого хозяйства у агинских бурят в начале XXI века: сравнительный анализ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 3. С. 205–214.
12. Михалёв М. С. Великий восточный лимитроф. Трансграничные народы в государственной политике Китая и России. М.: Восточная литература, 2022. 293 с.
13. Монгольский мир: между Востоком и Западом / под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск: Автограф, 2014. 351 с.
14. Рассадин И. В. Животноводство у сойотов и бурят: сравнительно-сопоставительный анализ // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 190–195.
15. Ринчинова О. С. Бурятская диаспора в Монголии: этапы формирования и развития: дисс... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 170 с.

16. Сельское и лесное хозяйство рыболовство и рыбоводство // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: https://03.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ege2023_17.pdf (дата обращения 10.10.2024).
17. Синицын Ф. Л. Трансграничное кочевье в СССР в 1920-е годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2019. Т. 18. №3. С. 589–604.
18. Цээнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. Улан-Батор, 2002. 148 с.
19. Чойропов, Ц. Ц. Традиционное (номадное) животноводство коренных народов Забайкалья: история и современность // Мат-лы конф. "Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера : Социология, природопользование, история и этнология, Ханты-Мансийск, 28–29 мая 2014 г". Часть 1. Ханты-Мансийск: ООО "МАКС-ПРИНТ", 2015. С. 183–193.
20. Энхтувшин Б. Некоторые вопросы традиционной культуры кочевников Монголии: современность и перспективы // Мир Центральной Азии – 3. Улан-Удэ, Иркутск: Оттиск, 2012. С. 23–25.
21. Ядов В. А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 47–50.
22. Гундсамбуу Х. Монголын нийгмийн давхраажил, хожил, хандлага (XX зуун). Улаанбаатар, [Б/д]. 2002. 660 с.
23. Малын тоо, төрлөөр, улс, бүс, аймаг, нийслэл, сум, дүүрэг, багаар, хороогоор, жилээр // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573054/table-view/DT_NS0_1001_021V1 (дата обращения: 02.10.2024).
24. Bazarov B. Transformation of Nomadic Society: Comparative Analysis of Social and Economic Development of Mongolian Peoples at the End of XX - Beginning of XXI Centuries. *Nomadic Studies*. 2005. № 10. P. 11–13.
25. Humphrey C., Sneath D. The end of Nomadism?: Society, state, and the environment in Inner Asia. Duke University Press, 1999. 368 p.
26. Marchina C. Nomadic Pastoralism among the Mongol Herders: multispecies and spatial ethnography in Mongolia and Transbaikalia. Amsterdam University Press, 2021. 178 p.
27. Shaglanova O. A. The "Borderlands Milieu" between Russia and Mongolia: A History of Settlement and Transnational Interactions // *Senri Ethnological Studies*. 2016. Vol. 92. P. 123–141.

References

1. Badaraev D. D. The Traditional Economic Practices of Mongolian-Speaking Nomads: peculiarities and Opportunities for the Development of Livestock Farming in Mongolia's and Russia's Adjacent Territories. // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2016. Vol. 7. No. 3. P. 175–194. (In Russ.).
2. Bajanova T. O., Biuraeva J. G. Socio-economic Aspects of Development of Agrarian Sector of Economy of the Republic of Buryatia // *Globalizacija i mongol'sky mir [Globalization and Mongolian World]: conference papers*. Ulan-Ude, BSC SB RAS publ., 2010. P. 59–60. (In Russ.).
3. Buryatia and Mongolia signed an act on the completion of the delivery of humanitarian aid to Mongolian herders // Representative Office of the Russian Foreign Ministry in Ulan-Ude. URL: https://buryatia.mid.ru/ru/press-centre/news/buryatiya_i_mongoliya_postavki_gumanitarnoy_pomoshchi_mongolskim_skotovodam/ (accessed 02.10.2024). (In Russ.).
4. The best project in agriculture in recent years was named in Buryatia // *MK in Buryatia* (30.04.2023). URL: <https://ulan.mk.ru/economics/2023/07/30/v-buryatii-nazvali-luchshiy-za-poslednie-gody-proekt-v-selskom-khozyaystve.html> (accessed 10.10.2024). (In Russ.).
5. Gomboev B. O. Pastoral Land-use in Inner Asia / B. O. Gomboev; отв. ред. А. К. Тулоhonov, Ю. П. Мижайлов; Рос. akad. nauk, Байкал'skij in-t prirodopol'zovanija. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2006. 228 p. (In Russ.).
6. Grajvoronsky V. V. Changes in the Social Standard of Living in Buryatia (Russia), Mongolia and Inner Mongolia (China) at the End of 20th – Beg. of 21st Cent. Ulaanbaatar: 2013. 284 p. (In Russ.).
7. Grayvoronsky V. V. Mongolia at the Early of XXI century: Politics, Economy, Society. Moscow, 2017. 352 p. (In Russ.).
8. Grajvoronsky V. V. Modern Arats of Mongolia: Social Problems of the Transition Period (1980–1995). Moscow: Publishing House "Vostochnaja literatura" RAN, 1997. 184 p. (In Russ.).
9. Zhambalova S. G. Nomadism in the Contemporary World: Problems of Traditional and Modernization // *Uchenye Zapiski Zabaikalskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2012. № 2(43). P. 142–149. (In Russ.).
10. Kradin N. N. The Transformations of Pastoral Economy in Tuva and Zabaikalie Region at the Turn of the XX – XXI Centuries // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2016. No. 2. P. 8–27. (In Russ.).
11. Kradin N. N. Transformation of the Livestock Farming of the Agin Buryats in the Early XXI Century: A Comparative Analysis 2014. // *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. P. 205–214. (In Russ.).

12. Mihalev M. S. The Great Eastern Limitrophe. Transborder Peoples in the State Policy of China and Russia. M.: Vostochnaja literatura, 2022. 293 p. (In Russ.).
13. The Mongolian World: Between East and West / edited by Yu. V. Popkov, J. Amarsana. Novosibirsk: Avtograf, 2014. 351 p. (In Russ.).
14. Rassadin I. V. Comparative Analysis of the Soyots and Buryats Livestock Breeding // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. P. 190–195. (In Russ.).
15. Rinchinova O. S. Buryat Diaspora in Mongolia: Stages of Formation and Development // Diss... Cand. of History. Ulan-Ude, 2011. (In Russ.). 170 c.
16. Agriculture and Forestry, Fisheries and Fish Farming // Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Buryatia. URL: https://03.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ege2023_17.pdf (accessed 10.10.2024). (In Russ.).
17. Sinitsyn F. L. Transboundary Nomadism in the USSR in the 1920s // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii. 2019. T. 18. №3. C. 589-604. (In Russ.).
18. Tsetsenbileg Ts. Problems of Modernization of Mongolian Society. Ulaanbaatar, 2002. 148 p. (In Mongol.).
19. Chojropov C. C. Traditional (nomad) livestock farming of the indigenous peoples of Transbaikalia: history and modernity // Proc. of the Conf. "Problemy i perspektivy social'no-jekonomicheskogo i jetnokul'turnogo razvitija korennyh malochislennyh narodov Severa: Sociologija, prirodopol'zovanie, istorija i jetnologija, Hanty-Mansijsk, 28–29, May, 2014". Hanty-Mansijsk: OOO "MAKS-PRINT", 2015. P. 183–193. (In Russ.).
20. Enkhtuvshin B. Some Issues of the Traditional Culture of the Nomads of Mongolia: Modernity and Prospects // The World of Central Asia – 3. Ulan-Ude, Irkutsk: Ottisk, 2012. P. 23–25. (In Russ.).
21. Yadov V. A. Post-Soviet Societies Transformations: What is More Significant – the Historically Traditional or Recent Past? // Sociological studies. 2014. No. 7. P. 47–50. (In Russ.).
22. Gundsambuu H. Social stratification of Modern Mongolia: development, trends (XX century). Ulaanbaatar, 2002. 660 p. (In Mong.).
23. Number of Livestock, by type, by country, region, province, capital, sum, district, by group, by district, by year // United Statistical Database. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573054/table-view/DT_NSO_1001_021V1 (accessed 02.10.2024) (In Mong.).
24. Bazarov B. Transformation of Nomadic Society: Comparative Analysis of Social and Economic Development of Mongolian Peoples at the End of XX – beginning of XXI Centuries. Nomadic Studies. 2005. № 10. P. 11–13.
25. Humphrey C., Sneath D. The end of Nomadism?: Society, state, and the environment in Inner Asia. Duke University Press, 1999. 368 p.
26. Marchina C. Nomadic Pastoralism among the Mongol Herders: Multispecies and Spatial Ethnography in Mongolia and Transbaikalia. Amsterdam University Press, 2021. 178 p.
27. Shaglanova O. A. The "Borderlands Milieu" between Russia and Mongolia: A History of Settlement and Transnational Interactions // Senri Ethnological Studies. 2016. Vol. 92. P. 123–141.

Информация об авторах

Дамдин Доржиевич Бадараев, д-р соц. наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, e-mail: damdin80@mail.ru

Александр Дмитриевич Гомбожапов, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, e-mail: agombozh@yandex.ru

Information about the authors

Damdin D. Badaraev, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Deputy Director of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia, e-mail: damdin80@mail.ru

Alexandr D. Gombozhapov, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia, e-mail: agombozh@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.10.2024

Одобрена после рецензирования 17.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Received 01.10.2024

Approved 17.11.2024

Accepted 27.11.2024